

«Поверни налево, вилла впереди.»

Под команды Шанайи Твейн в качестве второго пилота Дюк повернул руль, машина въехала на тихий бульвар и медленно остановилась у небольшой голубой виллы впереди.

- Здесь? - спросил Дюк, глядя на второго пилота.

«Это дом, который арендовал для меня агент, — сказала Шанайя Твейн, расстегивая ремень безопасности. — Он считает, что у меня должно быть жилье, соответствующее моему будущему статусу. Арендная плата очень страшная. Если я просрочу платеж, банк обязательно разденет меня догола.»

«Место хорошее, закон и порядок очень хорошие, — небрежно сказал Дюк, — находится далеко от трущоб и черных общин, жить здесь хорошо для будущего».

Вилла находится в Беверли-Хиллз. Агент Шанайи Твейн арендовал эту виллу и, очевидно, позаботился о ней. Не смотрите на бесконечное процветание элитных сообществ в Беверли-Хиллз, Санта-Моника и Северный Голливуд, но пока вы идете по трущобам и еще несколько раз обходите этническую общность и становится понятно, что эта страна точно не рай.

«До свидания, Дюк.» Шанайя Твейн открыла дверцу машины и пожала ему руку, «Спасибо, что отвез меня домой.»

Повернув голову, Дюк посмотрел на горячую красотку, которая собиралась выйти из машины, и некоторое время колебался, и спросил неуверенно: «Шанайя, ты не пригласишь меня к себе домой на чашечку кофе?»

«Извини, Дюк.» Она вышла из машины, повернулась, прислонилась к двери и сказала с улыбкой, "Сегодня мне очень плохо. Слишком поздно, давай встретимся в другой день."

Дюк равнодушно пожал плечами, только собираясь завести машину, Шанайя Твейн вдруг остановилась, чтобы открыть сумочку, вынула карточку, опустила голову и заглянула в машину, запихивая ее в руку Дюка внутри.

«Это мой телефон» Она подмигнула Дюку «Свяжись со мной для следующего раза.»

Несмотря на то, что красотка отказала ему, Дюк не расстроился и поехал обратно в свою квартиру в Северном Голливуде, принял холодный душ и лег на жесткий матрас, пытаясь заснуть.

Всякий раз, когда он входит в состояние работы, глубокий сон подобен роскоши, которую можно получить только изредка, благодаря невидимому и вездесущему давлению, которое всегда его окружает.

Лишь в полночь Дюк заснул крепким сном, во сне он увидел себя снова стоящим на стедикаме и кричащим что-то хриплым голосом в оранжевом огне и шуме крушения, как будто он хотел записать это на камеру. Картина всего мира в объективе камеры взрывается и рушится.

Хотя качество сна было не очень хорошим, биологические часы будили Дюка вовремя, как только взошло солнце. После простого умывания, он купил случайный завтрак в ресторане внизу и, полный энергии, помчался на съемочную площадку.

«Джон, объектив твоей камеры будет преследовать бомбу.» В студии Дюк встал на платформу

для подъема на высоту и сказал стоявшему рядом с ним Джону Шварцману, указывая на модель «Алькатраса» внизу: «Я хочу, чтобы кадр был правильным. Взрыв после того, как бомба упадет, и бомба - это ваша первая точка зрения ».

То, что вот-вот будет снято, - это кадр F-18 Hornet, бомбящий Алькатрас в конце фильма. Дюк намеревается использовать вид с точки зрения «точки бомбы» для фокусировки, это сцена падения с воздуха до взрыва на земле.

После тяжелейшего периода времени после отключения общее состояние съемочной группы потихоньку налаживается. Постепенно находится ритм перед перерывом, и самые популярные сцены также начали сниматься на съемочной площадке, и все сосредоточены каждый миг.

Проходя сквозь шум студии, изможденное лицо омывалось поднимающимся пламенем взрыва. У двух менеджеров по производству были хорошие и плохие новости одновременно, Чарльз Роуэн сообщил о перезапуске съемочной группы «Интервью с вампиром», а Робин Гранде получил разрешение от мэрии Сан-Франциско на съемки. Первое было не тем, чего ожидал Дюк, а второе означало, что команда могла выйти и сеять хаос на улицах Сан-Франциско.

"Дюк, перерыв некоторое время назад..." Николас Кейдж подошел к нему во время перерыва на съемках. "Как актер, есть определенные отраслевые правила, которые необходимо соблюдать".

"Это не имеет значения." Дюк знал, что он говорил актеру. Когда профсоюз пришел расследовать это дело, он сделал небрежный жест Кейджу: «Если Гильдия сценаристов объявит забастовку, я тоже отвечу».

Оба рассмеялись, и разговор постепенно перешел к персонажу Кейджа.

«Откровенно говоря, я не очень люблю боевики.» После принятия кофе из рук Софии, Кейдж сказал спасибо, а затем сказал Дюку, «Я думаю, что литературные фильмы и независимые произведения могут лучше отражать актерское мастерство».

«Николас, я не знаю, заметили ли вы перемены, происходящие в Голливуде?»

Такого рода светская беседа может ослабить нервозность, вызванную работой, Дюк просто на время отложил работу: «Художественные фильмы действительно могут принести художественные достижения, но Голливуд становится все более и более коммерциализированным. Если вы хотите стать суперзвездой первой линии, коммерческие кассовые сборы - это тема, которой не избежать. Без коммерческих достижений вы никогда не сможете протиснуться в высший круг.»

«Если только ты не хочешь просто быть актером», — добавил Дюк.

Может быть, в Голливуде и есть люди, которые просто хотят быть актерами, но их слишком мало. Николас Кейдж определенно не тот человек, который просто хочет быть актером.

«Действительно», Кейдж кивнул, на мгновение задумался и сказал: «Вот почему я выбрал тебя и «Скалу».»

«Поверь мне, это был мудрый выбор». Сказал посмеиваясь Дюк, он указал на сильное тело Кейджа и сказал: «У тебя крепкие мышцы, ты выглядишь полным силы, и ты очень подходишь для боевиков, и в то же время у тебя есть особый вид небрежности и безумия. И жесткий темперамент, по сравнению с этими настоящими звездами экшена, твои выступления легче и интереснее. Если ты сможешь сосредоточиться на боевиках и литературных фильмах

одновременно...» — Дюк поднял указательный палец и сказал насмешливым тоном: «Когда ты оглянешься назад после двухтысячного года, ты можешь быть лицом голливудских боевиков девяностых.»

«Это то, что вы использовали, чтобы убедить Ли и Харриса?» Кейдж, очевидно, воспринял это как шутку.

«Ли и Харрис просто подумали, что их персонажи интересны», — пожал плечами Дюк.

И, конечно же, съемочная группа предложила 2 миллиона долларов, которые они не могли получить прямо сейчас.

Глядя на время, Дюк встал и направился к съемочной площадке. Прошло время перерыва, и съемки возобновились.

Юго-восточная часть студии была устроена как морг тюрьмы Алькатрас. Повсюду валялся хлам и мусор, а под реквизитом рядом со столом стоял манекен. Наверно, реквизиторская бригада проверяла работоспособность манекен, и он все еще дергался, когда Дюк и Кейдж подошли к ним.

Стоя рядом с установленной ракетой с отравляющим газом, Дюк внимательно огляделся, проверяя один за другим реквизит, декорации и положение камеры, а затем сказал подошедшему Кристоферу Ли: «Ли, эта сцена основана на «Лорде Гасби».

Обернувшись, Дюк посмотрел на Николаса Кейджа и сделал последнее признание: «Следующее, что вы разберете, это смертельный отравляющий газ.»

«Я буду очень нервничать.» Кейдж кивнул.

«Но ты должен быть одновременно нервным и юмористическим», — Дюк похлопал Кейджа по руке и подошел к монитору, «Николас, пришло время показать свой крутой юмор».

«Восемьдесят пятая сцена, одиннадцатая сцена, начните сейчас же!»

«Слушайте, я всего лишь специалист по химии, весь день заперт в лаборатории, и моя жизнь скучна...»

Лицо Кейджа на мониторе было предельно серьезным, но текущая обстановка и его тон вызывали у людей желание смеяться: «Теперь я должен иметь дело с самым смертоносным веществом в этом мире, поэтому, пожалуйста, не связывайтесь со мной.» Вытащил компонент ядовитого газа, представленный зелеными шариками.

«Что может сделать эта штука?» — спросил Мейсон.

«Если ракета испарит его, то может убить жителей всего города»

Мейсон слегка удивился, услышав слова Гусби, и снова спросил: «Правда? Мы оба...»

По мере приближения Рождества съемочная группа полностью восстановила лучший ритм, а Дюк пережил крещение съемками «Скорости» и «Скалы», поэтому опыта у него было больше, а способность к корректировке была выше. Очевидно, усилились способности руководить процессом, будь то интеграция различных отделов съемочной группы, будь то актерская игра для актеров или мобилизация их эмоций, они также добились большого прогресса.

Рождество — один из самых важных праздников в этой стране, у съемочной группы обязательно будет праздник, и до начала рождественских каникул Дюк также закончил съемки в Warner Studios, как и хотел, после праздника съемочная группа может отправиться прямо в Сан-Франциско.

Во время трехдневных каникул у Дюка также наступил редкий момент расслабления: он временно отложил свою работу и вернулся домой в Санта-Монику, чтобы провести Рождество со своей матерью.

«Я слышала, что у тебя снова есть девушка.» По обеим сторонам длинного обеденного стола сидели только они: мать и сын, а миссис Лиа отложила нож и вилку из рук, «Почему бы тебе не пригласить её сюда?»

«Мама...» — беспомощно сказал Дюк, — «Если я найду девушку, которую действительно узнаю, я обязательно приведу ее сюда». Чувства, за которые не заплатили, не будут вознаграждены.

«Это просто физиологические потребности» Дюку было все равно.

«На следующей неделе Санта-Фейя проведет новогодний прием.» Миссис Лея встала и вышла из столовой, Дюк взял салфетку и вытер рот, а затем сказал: «Извини, мама, я уйду после Рождества. В Сан-Франциско, может не хватить времени.»

Махнув рукой, миссис Лея ничего не сказала.

Как сказал Дюк, после Рождества съемочная группа переехала в Сан-Франциско в полном составе и начала напряженную съемку на местности, потому что на съемках приходилось перекрывать улицы, время было особенно сжатым, а из-за сцен в Алькатрасе с мэрией Сан-Франциско внезапно случился финансовый кризис, потому что Алькатрас пришлось временно закрыть для туристов.

К счастью, съемочная группа может нормально снимать, и без зевак съемки пройдут более гладко.

В работе Дюк открыл 1993 год.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/67850/1805985>